

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Рассказ пегого человека

«Public Domain»

1934

Куприн А. И.

Рассказ пегого человека / А. И. Куприн — «Public Domain», 1934

«Ни имени, ни фамилии, ни происхождения этого диковинного человека я так и не узнал за все наше долгое совместное сидение в петроградском Революционном трибунале, который тогда находился в реквизированном дворце великого князя Николая Николаевича. Не узнал я также и причины, по которой он попал в это злокозненное и жуткое место, хотя говорили мы с ним часто и помногу. Очень невеселая штука – сидеть в огромном, пустом, тихом доме, ежеминутно, днем и ночью, ожидая, что вот-вот придут за тобою и скажут: „Идите, товарищ, вещей можете не брать с собою“...»

© Куприн А. И., 1934

© Public Domain, 1934

Александр Иванович Куприн

Рассказ пегого человека

Ни имени, ни фамилии, ни происхождения этого диковинного человека я так и не узнал за все наше долгое совместное сидение в петроградском Революционном трибунале, который тогда находился в реквизированном дворце великого князя Николая Николаевича. Не узнал я также и причины, по которой он попал в это злокозненное и жуткое место, хотя говорили мы с ним часто и помногу. Очень невеселая штука – сидеть в огромном, пустом, тихом доме, ежеминутно, днем и ночью, ожидая, что вот-вот придут за тобою и скажут: «Идите, товарищ, вещей можете не брать с собою».

Никак не передать словами того дьявольского томления души, которое ни на секунду не оставляет человека, готовящегося к насильственной и наглой смерти, без прощания с друзьями, без церковного напутствия...

Вот тут-то и оценишь невольно близость разговорчивого соседа, милого собрата по несчастью. Говорит он, а твои внутренние глаза явственно видят чужие дома, чужие жилища, чужие лица и движения; внутренние уши слышат давно умолкнувшие звуки слов, пения, музыки, конского ржания, детского смеха, птичьих голосов; внутреннее обоняние чует отдельные запахи цветов, кушаний, воздуха, воды и молодого человеческого тела; и на минуту поспешное воображение застилает мягким ковром дикий ужас, от которого все члены обливаются холодным липким потом.

Мой сосед и собеседник оказался чудесным компаньоном. Он никогда не ныл, не скулил, не жаловался и не покушался плакать мне в сюртук. Говорил он охотно и всегда очень интересно, и по речи его можно было безошибочно заключить, что видел этот человек очень многое на своем веку и исколесил матушку Россию вдоль и поперек. Слушать его рассказы было бы истинным наслаждением, если бы не эта неугасимая проклятая мысль о близости «стенки».

В начале нашего прочного знакомства я никак не мог, беседуя со своим соседельцем, обойтись без имени, отчества и фамилии: так уж эта потребность въелась мне в мозги. Но сосед мой с легкой усмешкой успокаивал меня:

– Что в имени тебе моем? Оно пройдет, как шум скандала. Хотите, зовите меня Иван Иванычем. А фамилию выберите, какая вам по вкусу придется. Вот, хоть бы Пегим зовите. Так меня во Владимирской пересыльной гостинице окрестили. Да ведь оно и модно выходит: Иван Пегий – это звучит как бы Максим Горький, Демьян Бедный, Степан Кургузый... А кроме того, поглядите на мою физиономию личности: вся она веснушчатая и рябая-конопатая. И жизнь вся моя поистине была пегая, пятнистая. А главное, нет ничего обидного в таком прозвище: пегие лошади ни на скачки, ни на бега, ни на кавалерийский ремонт не допускаются, а поговорка гордых арабов говорит: пегая лошадь – брат теленку. Но эта строгость, извините, покоится на предрассудках и на важности. Спросите любого богатого мужика, цыгана, продольного ямщика, хоть и конокрада – все вам скажут: пегая лошадь – самая доброезжая и в работе не знает ни лени, ни усталости. У нее долгий дух в скачке, и дышит она через две продушины в ноздрях, а то и через три, и еще у нее достоинства: во-первых, вынослива до бесконечности и умна, как человек, только норовиста и требует хорошего ухода. Вспомните-ка знаменитого толстовского пегого рысака Холстомера. Ну уж и конь был! Только такой великий художник его мог описать, как Толстой. Невольно со слезами на глазах спрашиваешь: ах, зачем же Толстой позволил выхолостить Холстомера? Ведь если бы такого жеребца да вовремя пустить в завод и покрыть им первоклассную пегую кобылу, то какое бы славное потомство пошло! Прелесть!.. И опять: жалкий конец блестящей Холстомеровой карьеры. Ну зачем же Лев Николаевич дозволил бессердечному хозяину-свистуну и бабнику загнать до упаду пре-

красную, бесценную лошадь и потом опоить ее, превратив гордое Божье создание в рыхлую клячу с отвисшей губою? Тут я спросил пегого человека:

– Вы, Иван Иванович, с такой страстью говорите о лошадях, что я могу подумать, что вы некогда занимались коннозаводством или имели дело с призовыми конюшнями?

Он на это ответил:

– Нет, к великому моему сожалению, мне не пришлось ни воспитывать, ни объезжать, ни тренировать лошадей, хотя это милое животное я всегда любил с умилением и нежностью, но вы все-таки не очень ошиблись в своем предположении. В течение целых двух лет заводил я материальной и хозяйственной частью беговой конюшни инженера Ворышева в славном городе Киеве. Потом конюшня наша пошла с молотка, но до краха прожили мы самые веселые аркадские деньки. Старые спортсмены и до сих пор вспоминают наших серых креков. Мамонта и Утешную. Но к чему воспоминания? Во сне шубу не сошьешь. Ах, ах, ах, что за гигант, что за волшебник, что за рискованый человек был инженер Ворышев. Орел, и лев, и хитрый лис одновременно. Где-то он теперь, сокол мой ясный, летает? К большевикам ли подался и играет у них первую скрипку? Окончил ли жизнь у стенки? Или успел перебежать за границу?

Дела он всегда делал огромные и вел их в широченных размерах. Строил мосты, храмы, театры, вокзалы, восьмиэтажные роскошные дома; создавал на акциях банки и пароходства; с необыкновенной дерзостью играл на бирже, ставя на повышение или понижение с какой-то сатанинской удачей. С таким же феноменальным счастьем играл он в карты, предпочитая всем играм баккара, а еще больше – покер. Выигрывал он сотнями тысяч, но был у него, однако, один недостаток, дляпытателя судьбы очень важный: очень уж страстен был Алексей Иннокентьевич – никогда он не умел дойти до своего максимума и остановиться, прекратить баловство. Трах – и покатится с горы, когда напорется на злую колею. Сколько раз меня тянуло остановить, придержать его... Да ведь какой же идиот полезет гладить разъяренного тигра? Он по мелочам не отыгрывался, на мелочь не играл и при крахе ну вот ничуть не киснул. Бывало, возвращаемся мы после поражения из клуба домой. Идем пешком. Он вдруг остановит меня:

– Милостивый государь мой, деньги те я все профукал, до последнего копыя, а завтра чуть свет придут каменщики за платой. Сколько вы можете дать мне взаймы?

Я ему в тон отвечаю:

– Сколько угодно, ваше священство, плюс еще немножко.

– Тогда давайте все.

– Слушаю.

Выпадали иногда дни и покруче; позовет меня инженер к себе на дом и скажет:

– Вот женины побрякушки. Будьте, милостивый государь мой, так любезны, снесите их в казенный ломбард и снисходительно заложите их за наиболее высокую сумму.

– Слушаю и повинуюсь, – отвечаю я.

Драгоценности мадам Ворышевой были замечательные не так огромной стоимостью, как редкостью и тщательным любительским подбором, и сама их владельница была среди них бесценнейшим бриллиантом. Имя ее было – Милада, о красоте ее трудно, даже невозможно теперь рассказать. Родом она была иностранкой, трогательно плохо говорила по-русски, мужа своего она обожала до идолопоклонства. Что драгоценности? – Она бы руки, ноги дала отрезать за одну его улыбку.

Но ведь и надо сказать, что Алексей Иннокентьевич был человеком очень притягательным и великолепным шармером.

Теперь вы, наверное, интересуетесь: какую роль я играл у этого блестящего человека и чем я ему был полезен? Трудно на это ответить толком. Очень трудно! Был я у него и верным другом, и преданным слугой, и заботливым молчаливым товарищем. Всегда он меня посылал в первый огонь, когда дело казалось щекотливым или когда оно требовало отваги, хладнокровия, изворотливости и настойчивости. В таких делах я всегда чувствовал себя как рыба в воде...

Никогда я не мог разобраться в том, кем был, в сущности, мой патрон: гениальным инженером или героическим борцом с судьбой и ее всегдашним победителем? Одно могу сказать и подтвердить клятвенной присягой: никогда я за господином Ворушевым не заметил ни тени кривизны, обмана, неверности обещанию или мошенничества, словом – ничего темного. А у меня на эти вещицы глазок-смотрок. Но иные его поручения и приказания заставляли меня разевать рот и хлопать глазами. А возражений и переспросов он не выносил. Так, однажды призывает он меня к себе и приказывает:

– Завтра утром, в такой-то час, поедете в Монако; остановитесь в такой-то гостинице и, когда отдохнете, извольте, милостивый государь мой, каждый день ходить в казино и усердно приглядываться к технике рулетки и к ее капризам и прихотям. Через несколько дней я вам вышлю некоторую сумму, потрудитесь ее утроить игрою и о результате мне телеграфируйте и ждите в Монако моего ответа. Не буду давать вам никаких советов и указаний об игре – это все ерунда. Скажу только: будут к вам приставать этакие рафинированные джентльмены: купите самую новейшую и вернейшую систему выигрыша в рулетку – гоните их как последних сукиных сынов. А еще – не торопитесь. Времени у вас будет достаточно. Теперь получите ваши деньги, необходимые на проезд, на харчи, на представительство и на прочие мелочи. Затем – до свидания, счастливой дороги и тому подобное, провожать вас не стану.

Покатил я в княжество Монако с веселым духом. Немножко меня по дороге беспокоила мысль: что за история! человек не сам развлекаться едет, а своего служащего так строго посылает? Приехал в Монте-Карло. Там еще большого сезона не было, поэтому указанная моим инженером гостиница была и очень мила, и совершенно недорого. Кормили вкусно. К законам и беззакониям рулетки я приглядывался ежедневно по два раза: днем и вечером. Играть не решался. Кое-когда отваживался поставить минимум в трант и карант (за свой счет) и всегда удачно. Две недели спустя получаю перевод на десять тысяч рублей, а тогда, батенька мой, это ведь было двадцать пять тысяч франков! И ни одного слова по почте или телеграфу. Суровое молчание.

Тогда спокойно, не торопясь (как наказывал патрон), иду в казино, сажусь за стол, который мне показался симпатичным, и холодно, как бы равнодушно, приступаю. Говорить долго о процессе игры вряд ли стоит, скучнее нет материи для слушателя, скажу одно: вел я себя умницей и в двенадцать ритмических сеансов, через шесть дней, утроил доверенную мне сумму. Семьдесят пять тысяч франков лежало у меня в банке, пора было известить патрона. Но дернул меня черт – давай-ка, думаю, играну еще раз, самый последний раз, чтобы округлить сумму до ста тысяч, благо у меня теперь везучая полоса. А для патрона будет и сюрприз, и удовольствие... Подумал, подумал... решил. Пошел в последний раз в казино и, представьте себе, с необыкновенной легкостью, как бы играючи, выиграл не хватавшие двадцать пять тысяч да еще с приблудившимися ста франками. Наутро иду веселыми ногами на телеграф и посылаю лаконическое известие: «Итого – сто тысяч».

Сердце у меня ликует от удачи и от грядущего инженерова поощрения. Но ликование мое было коротко, как заячий хвост. К вечеру получаю из Киева ответ, не менее малословный: «Услужливый дурак. Сегодня же возвращайтесь экспрессом».

Странная телеграмма: почему дурак? И почему экспресс? Однако собрался в пять минут и помчался ближайшим скорым поездом, обескураженный и взволнованный. На всякий случай дал знать Ворушеву по телеграфу о вероятном часе прибытия. Он меня встретил на перроне и, поздоровавшись, сказал мягко:

– О делах потом. Сначала я должен сообщить вам весть, не особенно приятную: третьего дня заболел ваш сынишка Сережа. Я нарочно вызвал вас экспрессом. Не пугайтесь. Опасного нет ничего. Легкий дифтерит. Но меры приняты своевременно. Пойдемте. Я вас доведу до дома.

Я собрался было заговорить о деньгах, но он махнул рукою:

– Приходите потом, когда дома все успокоится. Взбежал я по лестнице карьером, ног под собой не чувствовал. Жена встретила меня, исхудавшая, бледная, усталая, но на устах беспомощная и блаженная улыбка.

– Слава Богу, самое страшное прошло... И тут она рассказала мне, как все было:

– Сереженька накануне набегался во дворе, вспотел и напился холодной воды. Утром стал немного похрипывать и жаловаться на горлышко. Я ему велела полоскать рот соляным раствором, а сама думаю: ах, беда-то какая! А вдруг заболит перед Пасхой! Еще этого-то не хватало. Пощупала лобик – смотрю – горяченький, и мальчуган как бы мается. Позвала я первого попавшегося доктора, а он оказался какой-то дуботол. Говорит: «Ничего особенного, так себе – легкая ангиночка. Компресс поставьте согревающий, и полоскание отваром шалфея». Взял рубль и ушел, а я слышу: Сергунчик мой уже с трудом дышит, как бы задыхается. Испугалась я, и вдруг меня осенила нелепая и отчаянная мысль: а что если я в моем отчаянии да позвоню по телефону Алексею Иннокентьевичу? Не знакома я с ним лично, и человек он ужасно огромный и важный – какими миллионами ворочает. Но отважилась и позвонила. Рассказала ему все подробно и – что ты думаешь? – в один миг он приехал, привез самого прекрасного врача – профессора. Профессор осмотрел мальчика и сразу определил: «Дифтерит несомненный. Но на всякий случай возьмем мокроту на исследование. Необходимо сделать прививку». Милый господин Ворушев. Когда доктор ему советовал принять возможные меры против заражения этой прилипчивой болезнью, он беспечно ответил: «У меня, к сожалению, нет маленьких детей. А меня, буйвола, никакая бацилла не проймет». Через два дня все пошло хорошо. Хрипы и задыхание понемногу прекратились. Температура заметно стала падать. Сережа начал улыбаться Ворушеву, когда он приходил. Чем я могла отблагодарить его? Разве только тем, что рано утром сегодня побежала в десятинную церковь и заказала молебен Алексею, Божьему человеку.

На Пасху Ворушев позвал меня к себе и, христосуясь, подарил мне двадцать пять тысяч франков.

– Это, – сказал он, – ваш выигрыш, и дальше никаких разговоров. Афоризм об услужливом молодом человеке мы зачеркиваем и перечеркиваем. Но мне все-таки интересно знать: что бы вы стали делать, если бы, вопреки странному закону, всегда поощряющему новичков, на вас сразу навалилась сплошная неудача?

– Я играл бы до самого конца.

– А потом? Пустили бы пулю в лоб?

– Не знаю. Вряд ли. Да ведь со мной этого не случилось. Я же выиграл, а победителей не судят.

– Ну какой же вы победитель, – покачал головой Ворушев. – Наоборот: вы очень проиграли. Я нарочно послал вас в Монте-Карло. Мне хотелось посмотреть: каковы вы в игре? В азарте люди скорее всего показывают свои души. Вот я теперь и увидел, что большого, ответственного дела, требующего инициативы и выдержки, вам поручить нельзя. Живите покамест близ меня, исполняйте небольшие поручения и мелкие сделки. Почему знать – может быть, и вырастете со временем. Теперь же желаю вам всего наилучшего.

Так-то я и проиграл свою карьеру и с нею великую науку. Да, впрочем, эта головоломная революция все перевернет шиворот-навыворот!